

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ**

**Материалы
V Всероссийской научной конференции
10 апреля 2017 года**

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Абрамян Самвел Абрамович
декан факультета романо-германской филологии,
доцент кафедры английской филологии
Ереванский государственный университет
samvel.abrahamyan@ysu.am

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье исследуется политическая коммуникация в лингвокультурном контексте. Политическая коммуникация непосредственно связана с социально-культурными условиями и обстоятельствами общения. Поэтому разные жанры политического дискурса имеют определенную лингвокультурную специфику. На примере британского и американского парламентского дискурсов показаны их специфические лингвокультурные особенности, понимание которых требует соответствующих фоновых знаний.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический дискурс; парламентский дискурс; лингвокультурный контекст; фоновые знания.

Политическая коммуникация представляет собой речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, отвечающим интересам адресанта [Чудинов 2012: 6]. Иными словами, главной целью политической коммуникации является оказание прямого или косвенного воздействия на реципиента для формирования у него нужного для адресанта мнения и поведения.

Лингвокультурная специфика политической коммуникации проявляется в вербальных отражениях политических реалий, в аксиологической картине мира, создаваемой политическим дискурсом, а также в нормах, принципах и традициях институционального речевого дискурса [Шейгал 2004]. Тексты политической коммуникации характеризуются высокой степенью персуазивности [Чернявская 2006: 23], которая имеет определенную лингвокультурную маркированность и присуща всем жанрам политического дискурса [Wodak 2009: 577].

Как отмечает Т. А. ван Дейк, политический дискурс зависит не столько от темы и стиля, сколько от того, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью. Иными словами, политический дискурс явля-

ется собственно политическим, поскольку его функции реализуются непосредственно в ходе политического процесса, происходящего в определенном контексте. Контексты, являясь субъективной интерпретацией коммуникативной ситуации ее участниками, вместе с тем социально обусловлены, т. к. основываются на идеологиях, общих и специальных знаниях, правилах, нормах, ценностях и других когнитивных компонентах определенного дискурсивного сообщества [Дейк 2013: 216].

Контексты политического дискурса лежат в основе контекстных моделей, которые определяют как семантику, так и структуру политического дискурса. При этом, поскольку контекстные модели связаны с языковой действительностью, они характеризуются определенной национально-культурной спецификой, оказывающей свое влияние и на языковые модели политического дискурса.

Так, речи членов британского парламента в ходе парламентских сессий или дебатов строго регламентированы определенными процедурами, многие из которых культурно маркированы и отражают многовековые национально-культурные традиции британского парламентаризма. Это находит свое отражение в специфических формах обращения, этикетных формулах, стиле речи, а также в коммуникативном поведении выступающих и слушающих. Например, члены Палаты общин имеют право выступать в ходе дебатов только 1 раз (это правило не распространяется на членов Палаты лордов). Чтобы получить слово, депутаты Палаты общин должны перехватить взгляд спикера (*catch the Speaker's eye*), встав со своего места, в результате чего в ходе дебатов они постоянно встают или приподнимаются со своих мест. Они имеют право с согласия выступающего прервать докладчика и задать ему вопрос, который порой превращается в выступление. Подобная процедура ведения парламентских дебатов является примером конституционного обычая, представляющего собой неформальное и неcodифицированное процедурное соглашение, которого придерживаются государственные институты, в данном случае члены Палаты общин британского парламента. Это, по сути дела, является контекстной моделью для участников парламентских дебатов в Палате общин. В результате следования подобной процедуре речь выступающего в британском парламенте ведется не в виде монолога или диалога, а в форме полилога.

Члены парламента во время дебатов не обращаются непосредственно друг к другу на вы (*you*), не используют имен и фамилий, а прибегают к таким выражениям, как *my right honourable friend, the honourable Member for...* («мой глубокоуважаемый друг», «глубокоуважаемый представитель...»), с последующим упоминанием изби-

рательного округа) или *the honourable Member* без упоминания избирательного округа, который представляет данный член парламента.

При этом в использовании указанных обращений имеются свои особенности. Например, члены парламента от одной и той же партии во время дебатов обращаются друг к другу со словами *my right hon. Friend*, в том числе они могут делать это и при обращении к Премьер-министру. Последний к члену парламента от своей же партии может обратиться как *my hon. Friend*, *my right hon. Friend* или *my right hon. and learned Friend*, в том числе и к представителям женского пола. К членам парламента от других партий, в том числе и к лидеру оппозиции, Премьер-министр обращается как *the right hon. Gentleman*, а если член парламента от оппозиции женского пола – *the hon. Lady* или *the right hon. and learned Lady*.

Следует учесть, что британский парламентарский дискурс носит опосредствованный характер, так как говорящий обращается не к выступающему, а к спикеру, что приводит к использованию моделей, характерных для непрямой коммуникации, например, местоимений 3-го лица *he, she* вместо местоимения 2-го лица *you*. Сказанное не относится к членам Палаты лордов, которые, в отличие от депутатов Палаты общин, обращающихся исключительно к спикеру Палаты общин посредством выражения *Mr Speaker*, обращаются не к лорду-спикеру, а к другим членам палаты, используя, в частности, обращение *My Lords*.

Так, во время дебатов по Сирии в Палате общин 7 сентября 2015 г. Д. Кэмерон в своем ответе на выступление члена парламента от лейбористской партии, и.о. лидера парламентарской оппозиции Г. Гарман, не обращаясь непосредственно к ней, но имея в виду ее, 1 раз использовал выражение *the right hon. and learned Lady*, 14 раз местоимение *she* и 4 раза местоимение *her*. Однако в официальном отчете о заседании парламента использованные Д. Кэмероном местоимения *she* и *her* в 10 случаях были заменены на выражение *the right hon. and learned Lady*, в результате чего местоимение *she* в тексте выступления встречается лишь 6 раз. Данный пример свидетельствует о разных требованиях, предъявляемых к устной и письменной речи. Если в устной речи британский премьер-министр позволил себе 14 раз повторить местоимение *she* имея в виду сидящую прямо напротив него Г. Гарман, то в официальном отчете заседаний парламента это было сочтено неприемлемым. В то же время отметим, что местоимения *we* и *I* были употреблены соответственно 35 и 15 раз, причем местоимение мн. числа *we*, использованное в эксклюзивном смысле (т. е. без включения в себя адресата сообщения), имело наибольшую частотность из всех значимых слов (2,83 %) и противопоставлялось местоимению ед. числа *she* с имплицитным смыслом

того, что говорящий выражает мнение большинства, в то время как противоположная сторона находится в меньшинстве.

Вместе с тем следует также учитывать специфику жанра политических дебатов. Хотя для парламентских дебатов присущ формальный стиль общения, нередко парламентарии говорят в разговорном тоне, поскольку во время дебатов они обычно выступают с того места, где сидят и не всегда прибегают к заранее подготовленному тексту. Письменный текст используют главным образом те депутаты, которые выступают с докладом или содокладом по конкретному вопросу, но и в этом случае докладчик при ответе на вопросы вынужден переходить от формального стиля к разговорному. Например, Д. Кэмерон в своем ответе Г. Гарман использовал такие разговорные выражения: *I would say, What is going to happen here is, What I would say is, Look* (для привлечения внимания) и т. д., которые не были включены в официальный отчет о заседании парламента.

Отметим также, что в официальном отчете выражение *I think, I thought / we think* в упомянутом ответе Д. Кэмерона Г. Гарман встречаются в 2 раза меньше (6/1), чем, как свидетельствует официальная видеозапись, это было на самом деле в его речи (12/1). Для сравнения отметим, что в основном докладе Д. Кэмерона по Сирии, который был зачитан им непосредственно до этого, выражение *I think* встречается лишь 1 раз, да и то в качестве цитаты из его выступления годичной давности. Это связано с тем, что использование глаголов мнения в функции введения аргумента менее желательно по сравнению с введением тезиса аргументации, ибо речь политика должна отличаться уверенностью и полной аргументированностью.

Культурная маркированность политического дискурса определяется использованием в речах политиков эксплицитных дейктических описаний и выражений, для интерпретации и понимания которых требуются соответствующие фоновые знания. Так, для понимания того, что используемые в речах членов Палаты лордов дейктические выражения *this place* и *the other place* означают Палату лордов и Палату общин британского парламента, нужны соответствующие знания, которыми британские парламентарии, естественно, владеют, но которые могут не иметь люди, не знакомые с политическими реалиями Великобритании.

Национально-культурная специфика политической коммуникации, в том числе невербальной, ярко проявляется в ее ритуальности. Ритуалы имеют символическое значение и предназначены для поддержания авторитета государственной власти. Они находят свое знаковое выражение в языке, выполняя роль культурно-исторического кода. При этом некоторые ритуалы с точки зрения чужой культуры могут пока-

заться совершенно неприемлемыми, если не задействовать характерный для данной культуры фоновые знания. Среди них можно отметить, например, такие ритуальные действия: удержание заложника из числа членов парламента в Букингемском дворце (*hostage MP*) на период церемонии открытия парламента Великобритании (*State opening of Parliament*) и тронной речи (*Queen's / King's speech*) во избежания того, чтобы депутаты незаконно не лишили монарха свободы; осмотр подвалов Вестминстерского дворца, производимый со времен порохового заговора 1605 г.; (*Gunpowder Plot*), запрет монарху заходить в Палату общин и пренебрежительное поведение членов нижней палаты по отношению к посланнику монарха (*Black Rod*), который отправляется в Палату общин, чтобы пригласить депутатов присутствовать на королевской речи. Не менее странным может показаться поведение спикера Палаты общин, который после своего избрания на эту должность отказывается занять положенное для него кресло в Палате общин, на которое с применением физической силы его усаживают другие члены парламента (*Dragging the Speaker*).

Сравнивая британский парламентарский дискурс с американским, можно заметить как сходства, так и различия. Например, каждое заседание обеих палат британского парламента и обеих палат американского конгресса начинается с молитвы. Члены американского конгресса вслед за молитвой произносят Клятву на верность флагу (*Pledge of Allegence to the Flag*). Дебаты в американском конгрессе регламентируются правилами обеих палат, причем в палате представителей действуют более жесткие правила, чем в сенате. Если в палате представителей выступающие в дебатах не могут отклоняться от обсуждаемого вопроса, а продолжительность их выступлений не должна превышать 1 часа, то сенаторы могут выступать по любому вопросу и без временных ограничений. В силу этого они могут прибегать к обструкции (*filibuster*), т. е. тактике умышленного затягивания хода сессии, чтобы оттянуть принятие неудобного им решения или его не допустить. В Палате представителей такая тактика практически невозможна из-за процедурных ограничений. Желающие выступить должны встать и обратиться к Спикеру палаты представителей или Временного президента Сената США, который обычно председательствует в отсутствии Вице-президент США, являющегося председателем сената. При обращении используются соответственно слова *Mr Speaker* и *Mr President*. При обращении к члену палаты представителей используется слово *gentleman* с указанием штата, который депутат представляет, например, *gentleman from (of) Massachusetts*. Если депутат женщина, используется политкорректное слово *gentlewoman*. Используются также выражения *Representative* или *Senator* с указанием фамилии.

В отличие от британского парламента члены американского конгресса хотя и не часто, но позволяют себе в ходе дебатов использовать местоимение *you* в адрес своих коллег.

Таким образом, коммуникативно-речевые процессы непосредственно связаны с социальными и национально-культурными условиями и обстоятельствами общения. В первую очередь для успешной коммуникации необходимо знание не только языка, но и национальной культуры. Особая роль при этом принадлежит лексике языка, которая формирует мировосприятие народа и в то же время наиболее ярко отражает специфику его культуры. Однако знание лексики, грамматики и синтаксиса не является достаточным условием для эффективной коммуникации: необходимо наличие соответствующих знаний культурно-исторического развития своего народа, его духовно-нравственных ценностей.

Библиографический список

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

Wodak R. Language and Politics // English Language: Description, Variation and Context. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 577–593.

S. A. Abrahamyan

Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology

Associate Professor of English Philology Department

Yerevan State University

LINGUOCULTURAL CONTEXT OF POLITICAL COMMUNICATION

The article examines political communication in linguocultural context. Political communication is immediately connected with sociocultural conditions and circumstances of communication. That is why different genres of political discourse have definite linguocultural characteristics. On the basis of analysis of British and American parliamentary discourse their sociocultural peculiarities are shown. Appropriate background knowledge is required to understand them.

Key words: political communication; political discourse; parliamentary discourse; linguocultural context; background knowledge.